

чицей я любезен, как маркиз начала XVIII столетия, и мы, наговорив друг другу кучу любезностей, расстаемся очарованные взаимно.

2) Вот и все мои дебоши. Вам я советовал небольшое количество алкоголя, потому что знаю по наблюдениям пользу моего рецепта. Сам же я к пьянственному виновкушению охладел. Вернее — мой крепкий, звериный, татарский инстинкт сказал мне — «будя». И об этом вопросе — *basta cosi*. Да? NB. Кроме сала и спирта, я рекомендовал еще и чеснок.

3) За присылку глав книги Вашей буду очень признателен. Обещаю бережность в обращении и отсылку в указанный Вами срок.

4) Сегодня я окончил в черновой обработке всю книгу Стр[индберга]. «Возлюбленная моя! Я отомстил тебе. Мы квиты. Сентябрь 1887 — март 1888». Господи, что это была за работа! Я нарочно пришлю Вам несколько страниц моей правки. Вы поглядите и скажете: однако, у этого профессионального лентяя чертова пропасть усидчивости и воли.

5) Я убежден, что А. В. Белобородова знает оба языка бесконечно лучше моего Реймана. Но переводит не Рейман. Рейман только мой деловой агент в Гель[сингфорсе]. Переводят муж и жена Семеновы. Переводят очень добросовестно, но так рабски следуют оборотам автора, что запутываются, а из разных значений непонятого им слова они по диксионеру выбирают самое плоское и невыразительное — прости им Бог. Но зато переписчиком (машинка) я чрезвычайно доволен. Это молодой юнкер, сын изв[естного] московского банкира. Образованный и точный*.

На условия и на работу с г-жой Белобородовой я очень согласен. Одно меня смущает — а вдруг она пишет прямо начисто на машинке, а вдруг мне придется делать много поправок, неудобных для наборщиков? Если же она переводит безукоризненно — то с какими глазами я буду получать деньги ни за что? Дело другое «Исповедь безумца». Шлифуя черновик, я старался сохранить всю душу стриндберговского стиля, со всей его истеричностью, с пафосом и падением, с упругостью злобы и нежностью единой любви... Здесь я могу сказать, что весь перевод сделан мною с честного подстрочника.

6) Саги — тоже хорошо. Но и с тем же условием: не быть генералом на свадьбе.

7) С Аничковым рассудите, как лучше быть. Хотите ли, чтобы я увиделся с ним, навел бы разговор на его роман — а он, конечно, любезно предложил его мне на прочтение — и написал бы Вам мое честное, случайное мнение. Или Вы предпочитаете поручить мне в открытую это прочтение. Рассудите — что удобнее и выгоднее в случае — ведь все бывает? — отказа. Он, говорят, стал очень обидчив. Но я по-прежнему люблю его.

8) Гржебину никто не принадлежит. Он скупал авторов под покровительством Комисариата нар[одного] просв[ещения] и на его деньги, но на свое имя.

Купил, напр[имер], трилогию Мережковского за 40 000 р. советскими, т. е. за 200 р., если считать по-прежнему. — Но, если бы человек умирал с голода, то не отдал ли бы он всех своих прав и долгов и землю за один кус хлеба?

9) Значит, Рейман просит первых 500 кр., получит ли еще 500 кр.? Такой м[есье] поляк.

Желаю всех благ. Извиняюсь за скверный почерк — это мое и моих друзей наказание — и крепко жму Вашу руку.

Ваш А. КУПРИН

31/VIII. 1920

* Но — увы! — такой копун и медлитель, что я устаю его бомбардировать письмами и телеграммами.